

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ФЕМИНИЗМА

В.А. Музалевский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Статья посвящена демократизации как неокOLONиальной практике. Автор доказывает, что распространение демократии во многом схоже с колониализмом и цивилизаторской миссией как универсальными и даже мессианскими явлениями. Он считает, что эти явления, несмотря на схожесть своего происхождения, имеют разную «гендерную окраску»: колониализм имеет черты маскулинности, а цивилизаторская миссия – феминности. Автором рассмотрена история трансформации понятий «колониализм» и «цивилизаторская миссия». Проведены параллели между обоими явлениями, проанализировано, каким образом в разные эпохи интеллектуальный и общественный дискурс влиял на становление обоих феноменов. Проанализированы примеры национальных цивилизаторских проектов, их интеллектуальный потенциал и влияние на современную мировую политику.

Отголоски колониализма и цивилизаторской миссии видны в доктринах США и ЕС по продвижению демократии. Рассмотрев эволюцию практик демократизации, автор находит различия в стратегической культуре Соединённых Штатов и Европейского союза: если у американского истеблишмента обнаруживается склонность к маскулинным практикам распространения демократии («демократическое расширение», проект «Большого Ближнего Востока» и т.д.), то европейское руководство отдаёт предпочтение феминным практикам. С точки зрения постколониального феминизма, эти два подхода не приносят обоим акторам значимых дивидендов, поскольку предлагают неэффективные стратегии управления местным населением, не учитывающие, а зачастую отрицающие особенности культурной среды распространения демократии, уделяющие больше внимания скорее институциональным характеристикам (недостаток гражданских прав и свобод, отсутствие прозрачности работы органов государственной власти и т.д.). Автор отмечает, что современные стратегии распространения демократии создают эффект «двойной дискриминации», когда и местные народы, и местные женщины (навязывание образа «свободной и независимой западной женщины») ощущают себя «колонизованными».

Ключевые слова: демократизация, постколониальный феминизм, США, Европейский союз, колониализм, цивилизаторская миссия.

■ Критические исследования

По своей сути, распространение демократии является наследником многих мессианских и универсалистских феноменов, которые встречались во всей истории человечества. К ним можно причислить: распространение мировых религий; колонизацию эпохи Великих географических открытий, создание многочисленных империй в XVI-XIX вв. и т.д. Зачастую эти явления сопровождались насилием и подавлением локальной культуры и истории, что не могло не вызывать сопротивления. Маргинализация народов по всем аспектам их жизнедеятельности лишь способствовала нарастанию антиколониальных и антиимпериалистических практик. Их отражением в научном дискурсе стали различные постколониальные исследования.

Как ни странно, постколониализм и демократизация, будучи смежными понятиями (распространение демократии многие эксперты считают одним из инструментов деколонизации), редко рассматриваются в одной связке. Ещё реже специалисты прибегают к анализу постколониального феминизма, фокусирующегося на дискриминационной природе неоколониальных и неоимпериалистических практик.

Постколониальный феминизм предлагает совершенно новый взгляд на процесс демократизации, поскольку рассматривает проблемы дискриминации и угнетения, как на макро- (государственном), так и на микроуровне (межгендерные отношения). Использование этого подхода выявляет противоречие практики демократизации и её идеологии. Целью провозглашается борьба с подчинением и угнетением, но в практике присутствуют элементы подчинения и угнетения (подчинение меньшинству, среди которых женщины как гендерное меньшинство оказываются наиболее уязвимыми). Такой подход позволяет также классифицировать по гендерному признаку различные современные стратегии демократизации, равно как их исторические прототипы. Так, колониализм можно квалифицировать как маскулинную стратегию, а цивилизаторскую миссию – как стратегию фемининную. По логике следуют вопросы о гендерном содержании различных практик распространения демократии (фемининных или маскулинных) и о том, каким образом демократизация влияет на гендерные практики в демократизируемых государствах и обществе.

Для ответа на данные вопросы необходимо рассмотреть эволюцию понятия «демократизация» и связанных с ним феноменов колониализма и цивилизаторской миссии. Также нужно проанализировать практики распространения демократии США и Европы с точки зрения постколониального феминизма как наиболее ярких современных примеров. В заключение предстоит ответить на вопрос, что представляет собой современный процесс демократизации, и как он будет развиваться в будущем.

Демократизация: эволюция понятия в интеллектуальном и общественном дискурсе

«Демократизация» как политологическое понятие политической науки появилось в 1980-х гг. в двух значениях. С одной стороны, под демократизацией понимают демократические практики международных институтов и организаций. В другом значении демократизация – это увеличение числа демократических государств в мире. Распространение демократии происходит без учёта локальной специфики, а зачастую – и желания местного населения принимать демократическую модель. Данный контекст роднит демократизацию с колониализмом и цивилизаторской миссией, поскольку оба этих понятия также в определённой степени стремятся к универсализму и мессианству. Тем не менее в исследовательской среде, особенно в понятийном аппарате последователей постколониальной теории, цивилизаторская миссия практически не встречается. К примеру, Рамон Гроссфогель различает понятия «колониализм» и «колониальность» [10]. Оно означает наличие т.н. «колониальных ситуаций» (угнетение или эксплуатация по культурному, политическому, половому, экономическому признаку и уровню знаний доминирующей расовой/этнической группой подчиненной расовой/этнической группы при наличии или отсутствии колониальных администраций) в современных обществах. Колониализм понимается таким же образом, но в историческом контексте. Такой подход, претендуя на универсальность, не гармонирует с интеллектуальным и общественным дискурсом как прошлого, так и современности. Поэтому целесообразно продемонстрировать, как в данный контекст вписываются понятия «колониализм», «колониальность» и «цивилизаторская миссия», сравнив их.

Во-первых, колониализм не предполагает как такового долгосрочного мирного сосуществования с «цивилизуемыми» народами, которых ждёт либо рабство, либо полное истребление. Колонизатор стремится с максимальной выгодой для себя использовать ресурсы колонии. Цивилизаторская миссия наоборот призвана вселить в «цивилизуемых» веру в то, что они вписываются в «лучшее» общество по сравнению с тем, в котором они живут сейчас; что они нужны не как рабы, а как верные слуги метрополии, получающие практически равные возможности с её гражданами. Для идеологов цивилизаторской миссии было важно, чтобы «варвары» стали такими же «цивилизированными людьми», как и они. Колониальность в принципе игнорирует мотивации «цивилизаторов», считая любые стратегии подчинения априори маскулинными.

Во-вторых, колониализм и цивилизаторская миссия, как стратегии подчинения, в том или ином виде появились достаточно давно. Колониальность, как мы видим, относительно современный феномен в постколониальной теории,

призванный объяснить лишь круг неокOLONиальных практик современности.

В-третьих, самое главное: колониализм был стратегией великих держав в XVI-XVIII вв. Однако цивилизаторская миссия во многом преобразовала все колониальные стратегии угнетения, добавив к присущей им маскулинности феминные элементы нормативной и дискурсивной власти (обучение туземцев языку метрополии и азам свободной легальной торговли) и предопределив самоидентификацию колониальных держав как империй. Колониальность же отказывает современному «цивилизатору» в праве на самоидентификацию. Поэтому использование данного понятия нам представляется ненужным, однако сам принцип непрямого управления, предполагаемый колониальностью, можно считать весьма полезным для дальнейшего развития постколониальной теории.

Возвращаясь к историческому контексту, стоит отметить, что эпоха Крестовых походов скорее относится к колониальным практикам. Несмотря на высокую цель походов и религиозность движения, поддерживаемую духовенством, они разочаровали многих современников и историков. Причины разочарования банальны – поведение крестоносцев в Святой Земле растоптало идеалы Церкви. «Цивилизаторская миссия» провалилась. Местное население ощутило подавление своей культуры, насильственное навязывание христианства, причём римско-католической его ветви. Это вызвало реакцию отторжения, хотя организаторы походов планировали привлечь не-мусульман к борьбе против арабов. Тем не менее идея совмещения любви и насилия во имя благой цели прочно закрепилась в средневековом богословском дискурсе благодаря активной поддержке папства, заложив фундамент, как для колониализма, так и для цивилизаторской миссии, и закрепив в качестве нормы маскулинные стратегии.

Первым же реальным примером «цивилизации» стали законы, выпущенные в Испании после окончания Реконквисты Фердинандом и Изабеллой в 1492 г. Испанское королевство из «королевства трёх религий» превращалось в «католическую монархию». Проживавшие же на территории королевства арабы и евреи должны были либо принять католичество, либо эмигрировать, поскольку за исполнением воли монарших особ следила сама Священная Инквизиция. Этот пример показал одно из главных стремлений цивилизаторской миссии – ассимилировать другие народы.

Великие географические открытия расширили возможности распространения цивилизаторских практик. Европейцы осознали, что кроме арабов, китайцев и индийцев существует большое количество различных народов со своей специфической культурой. Для них подобные народы были «другими», «варварскими». Можно сказать, что на тот момент среди различных европейских народов преобладала гоббсовская

культура «цивилизации», то есть они воспринимали коренные народы тех земель, что они открыли, как своих врагов. Хорошо это видно по деятельности испанских конкистадоров в различных американских государствах, начиная с ацтеков и заканчивая инками. В то же время Португалия и Испания как крупнейшие метрополии той эпохи занимались продвижением христианства как универсального вместилища всех цивилизаторских практик.

Однако уже в XVIII в., когда значительная часть открытых земель была уже колонизована, европейские державы начинают постепенно менять свою тактику и стратегию по отношению к туземцам. Классические откровенно маскулинные стратегии колониализма (вывоз ценных ресурсов из колоний, порабощение и продажа невольников из колоний и т.д.) постепенно эволюционируют в более изощрённые способы управления местным населением. Это стало следствием крупных исторических событий, как, например, Английская революция, продолжавшаяся с 1640 по 1688 гг. и завершившаяся трансформацией абсолютной монархии в конституционную, а также создавшая все необходимые предпосылки для становления Британской империи; наступление эпохи Просвещения, а позднее – Великая французская революция, которая утвердила в противовес классическим средневековым христианским ценностям гражданские свободы и равенство. Казалось бы, что эти события должны переломным образом повлиять на отношения колоний и метрополии, тем самым изменив степень подчинения первых последней. Однако даже среди философов того времени находились явные расисты. Таковыми можно назвать полигенистов (например, Вольтер), которые считали, что разные расы произошли от разных биологических видов. Нельзя сказать, что полигенизм способствовал распространению рабства в мире, учитывая, что не все полигенисты отрицали возможность научить чёрных людей культуре. Однако именно этот подход давал некое оправдание работникам и продолжавшемуся угнетению колониальных народов с использованием маскулинных практик.

Вопрос рабовладения и рабства как такового был одним из центральных в цивилизаторских практиках той эпохи, а также стал одним из ключевых факторов в распространении идей республики и демократии в общественных и интеллектуальных кругах Европы того времени. Первым «прогрессивным» теоретиком в этой области стал маркиз де Кондорсе, один из идеологов Великой французской революции. Ещё в 1781 г. он написал памфлет «Размышления о рабстве негров» [9], в котором жёстко критиковал рабство и расизм. Он считал, что рабовладение не совместимо с социальной справедливостью, за которую выступали сторонники Просвещения. Эту идею де Кондорсе развил в своём главном труде – «Эскиз исторической картины

■ Критические исследования

прогресса человеческого разума» [3], описывая историю человеческого рода как некое движение к прогрессу. На этом пути он видел как времена подъёма (эпоха Возрождения) и периоды упадка (Средневековье). В последней части книги автор приходит к выводу, что рано или поздно прогресс восторжествует повсеместно, и каждый вне зависимости от расовой, гендерной и любой другой принадлежности получит возможность процветания. Прогрессистские идеи де Кондорсе в какой-то степени оказали влияние на деятельность практически всех правительств времён Великой французской революции, а также на политику Наполеона, в особенности в создании меритократических институтов для повышения эффективности чиновничьего аппарата, а, следовательно, и общественного прогресса. Всё это позволило в определённой степени снять один из барьеров (сословный) для развития человека в обществе, тем самым ослабив инструментарий государственного подчинения и введя впервые в практику государств фемининные стратегии.

Постепенно цивилизаторские практики видоизменялись и в XIX в. примечателен пример Великобритании. Здесь по-прежнему балом правили империалисты, которые чувствовали не столько превосходство над «варварскими народами», сколько сострадание к ним. Британцы первыми избавились от рабства и работорговли и начали принуждать к этому другие народы. Старыми миссионерскими методами привить цивилизаторские практики Британская империя не могла. Первым это понял великий британский путешественник и миссионер Дэвид Ливингстон, которого сегодня иногда называют первым «врачом без границ» [6]. Интересен его опыт тем, что он признал, что не существует «умственной или душевной неполноценности африканцев», а есть лишь «суеверия» и те старые уклады, которые мешают распространяться «цивилизации» на территории континента. Искоренять эти уклады он предлагал в первую очередь через свободную легальную торговлю, которая смогла бы перекрыть поставки рабов на невольничьи рынки, тем самым разрушив традиционную экономику африканских политий. По сути, британский путешественник одним из первых в истории Британской империи предложил новые фемининные практики подчинения туземцев.

Идеи Ливингстона перекликались с мыслями многих политических и государственных деятелей Великобритании. К примеру, Томас Маколей, ставший знаменитым своими взглядами задолго до экспедиций Ливингстона, считал, что «торговать с цивилизованными людьми гораздо прибыльнее, нежели управлять дикарями» [18]. В своём «Наброске об индийском образовании» он писал, что индийцы не должны обучаться грамоте на своём родном языке. Маколей надеялся сформировать англицизированный правящий класс, индийский по крови и цвету кожи, но английский по вкусам, мнениям, морали и интеллекту. Это было услышано. Британское

господство в Индии включало привнесение британской культуры в виде свободной торговли и капитализма, а также закона, порядка и хорошего управления. Британское правление стремилось прекратить хроническое состояние войн, жестокостей, беспорядка и деспотического правления. В Индии благодаря цивилизаторской миссии устанавливался мир и порядок на основе Pax Britannica.

Многое для развития цивилизаторской миссии сделал Томас Карлейл (1795-1881 гг.), выступивший с идеями реформирования империи. Так, он считал неправильно выстроенным управление и хозяйство, а также отстаивал тезис о превосходстве «белого человека», хотя и не являлся последовательным сторонником расового подхода. Карлейл придавал большое значение иерархичности общества: «наиболее глупым из нас быть слугами наиболее мудрых» [5]. Так, культурное неравенство рас, что прослеживалось в концепции цивилизаторской миссии, становилось основанием легитимности британского колониализма. В работах Джеймса Энтони Фруда (1881-1894) обоснование «цивилизаторской миссии англичан» звучало более конкретно. В своей «Океании» этот автор утверждал, что англичанам, подобно Римской Империи, выпала участь управлять отсталыми народами. Отсюда выводился тезис о необходимости опеки передовыми народами отсталых (фемининность).

Показательна поэма Редьярда Киплинга (1865-1936 гг.) «Время белого человека» - гимн империалистов, утверждавший основанное на национальном, расовом и культурном превосходстве право Британской империи господствовать в мире. В его же «Балладе о Западе и Востоке» прослеживается ярко выраженный гендерный аспект: слабые не смогут договориться между собой, а сильные *мужчины* всегда смогут. Другой видный британский деятель культуры Джон Раскин (1819-1900 гг.) в своей лекции «Имперский долг» называл англичан расой, замешанной на лучшей северной крови и обогащённой «тысячелетней благородной историей» [5]. На основе этих преимуществ Англия имеет не только право, но и мандат на расширение: «она должна найти колонии настолько быстро насколько можно». Джозеф Чемберлен (1836-1914 гг.) в лекции «Настоящая концепция империи» описывала англичан как «правящую расу», чьё величие выражается в чувстве долга к дикому населению посредством своего благостного правления [5]. Нельзя сказать, что подобное «благожелательное господство» британцев над другими народами было безболезненным для всех. Несмотря на стремление привнести «блага цивилизации» в свои колонии, научить их жителей своему языку, данный процесс был процессом подчинения, но уже на некой «воспитательной основе» (фемининная практика), что можно назвать правительственностью, следуя терминологии Фуко [16].

Цивилизаторский дискурс французов был менее дискриминационным по отношению к колониям. Цивилизаторские практики и их культурный характер, который позже станет политикой франкофонии, были очевидны ещё в первой половине XIX в., когда у Франции было не так много своих колоний. Относительно небольшое количество колоний позволило французам сосредоточиться на строительстве школ и других институтов для наделения местного населения «благами цивилизации». При этом французское руководство разделяло мнение британцев о том, что народ метрополии превосходит народы колоний и только поэтому имеет право на «цивилизацию». Во многом благодаря завоеваниям Просвещения и внедрению феминных стратегий подчинения своей политикой франкофонии Франция смогла добиться успеха, плоды которого можно наблюдать и по сей день.

У Германии и России не было, по сути, своих внешних цивилизаторских проектов до XX в. Российская империя, впрочем как и Германская, занималась внутренней колонизацией. Однако стоит отметить, что великий немецкий философ Иммануил Кант разработал в своём трактате «К вечному миру» [1] концепцию, во многом давшую жизнь современной демократизации и подытожившую завоевания эпохи Просвещения. Кант одним из первых отметил нарастающую взаимозависимость народов, а также постепенное отмирание трансформационной функции войны. В связи с этим он предлагал идею заключения договора «о вечном мире», который смог бы ликвидировать основания для военных столкновений между государствами. Идея сама по себе утопическая, что признавал сам Кант. Однако наиболее интересной статьёй этого трактата является та, в которой немецкий философ пытался описать формы миролюбивого государства, демонстрируя при этом преимущество республиканского устройства над монархическим и высказывая гипотезу о том, что республики не воюют. Впоследствии он развил идею необходимости творчества монарших подданных для процветания того или иного государства в эссе «Предполагаемое начало истории человечества» [2]. Кант задался вопросом, способно ли государство, сохраняя жёсткий аппарат подчинения, противостоять внешним военным угрозам («дикарям-кочевникам»). Ответ был отрицательным. Только если подданные смогут максимально реализовать свой потенциал, правитель способен обеспечить внешнюю безопасность, а для этого нужно предоставить им свободу. Кант полагает, что свобода рано или поздно кристаллизуется в богатство, которое привлечёт «варваров» к «цивилизации». При этом он делал акцент на гендерном моменте, подчёркивая «искусство нравиться, благодаря которому городские дамы затмевали чумазых женщин пустыни», тем самым маргинализируя последних типичной маскулинной риторикой. Однако Кант считал, что возможность слияния

«цивилизованных» и «варваров» создаст условия для деспотии и лишит цивилизованные народы свободы, доставшейся им с большим трудом. Немецкий философ заключил, что именно поэтому на данный момент «вечный мир» невозможен, а война остаётся двигателем общественного развития.

Возвращаясь к Германии и России, стоит отметить, что цивилизаторские проекты обоих государств оказались взаимосвязаны и даже в какой-то степени похожи. Марксистско-ленинская идеология и теория перманентной революции Троцкого должны были привлечь пролетариев всего мира, тем самым обеспечив повсеместную победу социализма. В Германии же появилась нацистская идеология, которая привела к власти Адольфа Гитлера и его партию НСДАП. В историческом контексте и в понятийном аппарате отсутствуют классические элементы цивилизаторской миссии (социализация «дикарей» посредством обучения). И советский, и германский проекты провалились, поскольку были слишком глобальными и утопичными. Однако если первый предполагал лишь освобождение класса рабочих с уничтожением класса буржуазии, то другой подгонялся под глобальное доминирование арийцев, а также подавление и геноцид неарийцев. Это были маскулинные стратегии подчинения.

Эпоха холодной войны не принесла значительных изменений в цивилизаторский дискурс, поскольку противостояние двух условных лагерей – социалистического и капиталистического – носило не столько идеологический характер, сколько было направлено на расширение СССР и США своей глобальной сферы влияния. Проблема заключалась в том, что любая страна могла объявить ориентацию на тот или иной лагерь, а его лидер априори должен был оказать такой стране всяческую поддержку. Таким образом, вопрос «цивилизации» вычеркивался на этот период из повестки дня.

Дальнейшая эволюция общественного и интеллектуального дискурса увенчалась формированием двух схожих проектов демократизации – американского и европейского.

Следует начать с американской цивилизаторской миссии. Она во многом основана на идее американской избранности, которая восходит корнями ещё к отцам-основателям США. С ростом влияния Соединённых Штатов как в Западном полушарии, так и в мире в целом эта идея нашла выражения во внешней политике США (доктрина Монро, доктрина Т.Рузвельта, доктрина Трумэна и т.д.). Однако решающее влияние на трансформацию американских цивилизаторских практик оказали идеи неоконсерватизма и теория демократического мира, окончательно превратившие процесс «цивилизации» народов в процесс их демократизации.

Неоконсерваторы в своём большинстве вышли из троцкистов [12]; всеобщий характер их теории и центральное место США в ней это

■ Критические исследования

косвенно подтверждают. Они были близки к окружению президента Рональда Рейгана, однако свои идеи смогли чётко сформулировать лишь в середине 1990-х гг. Главные современные идеологи неоконсерватизма – Уильям Кристол и Роберт Каган – ещё в 1996 г. писали о необходимости создания Соединёнными Штатами «гуманной глобальной гегемонии» во всём мире [15]. Одним из главных императивов их концепции была так называемая «моральная ясность» действий, по которой США, не дожидаясь появления угроз, должны активно распространять во всём мире американские политические принципы – демократию, рыночную экономику и уважение к свободе. Предлагалось это делать различными способами, вплоть до военных. Роберт Каган в своей книге «Возвращение истории» [13] пошёл дальше, и, развивая идею демократизации, предложил создать «лигу демократических государств», учитывая неэффективность НАТО и отсутствие единодушия среди союзников США по вопросу распространения демократии. Односторонность действий и нежелание идти на компромисс свидетельствует о доминировании у неоконсерваторов маскулинных стратегий.

Теория демократического мира (либеральные демократии не воюют) дополняла тезисы неоконсерваторов и имела полную поддержку у американского истеблишмента в 1990-е гг. Главные её теоретики – Брюс Рассет и Майкл Дойл – вдохновлялись трактатом Иммануила Канта «К вечному миру». В статье «Кант, либеральное наследие и международные дела» [9] Дойл писал, что либералы слишком акцентировали внимание на тезисе Канта о возможности достижения мира, не уделив должного внимания влиянию демократического устройства (республик у Канта) на внешнюю политику. Дойл поставил во главу угла вывод Канта о том, что внешняя политика республики проецирует те же либеральные ценности, которые сформированы во внутренней политике. Поэтому республики не могут оправдать перед собственными гражданами войну против других республик, признающие аналогичные нормы справедливости. «Либеральный интернационализм» и прогресс республиканства будут последовательно расширять «мирный союз», и который будет укрепляться по мере осознания, уяснения либеральными обществами варварства войны, а также под воздействием открытого межреспубликанского экономического взаимодействия. Как бы продолжая и развивая мысль Канта, Дойл утверждал, что те же либеральные ценности, которые формируют «мирный союз» между демократиями, питают их агрессивность по отношению к автократиям. Войны демократий против автократий Дойл уподоблял крестовым походам за распространение либеральных ценностей. Таким образом, Дойл оправдывал подавление авторитарных режимов в случае необходимости, что также является ярко выраженным проявлением маскулинности.

Несколько иную модель предложил Брюс Рассет в своей книге «Понимание демократического мира» [19]. Объясняя механизм «демократического мира», он выдвинул две основополагающие причины мирного предрасположения демократий друг другу. Первая – «культурно-нормативная» – причина заключается в том, что круг институтов и лиц, принимающих в демократическом обществе решения по внешнеполитическим вопросам, руководствуется теми же нормами, ценностями и опытом культуры политического поведения, которые укоренились в сфере политики внутренней, а именно на основе компромисса. Напротив, внешнеполитические решения авторитарных государств определяет бескомпромиссная культура подавления, свойственная их внутренней политике. Демократии исходят из предположения, что другие демократические государства разделяют их принципы. Но в отношении авторитарных государств такие ожидания у демократий отсутствуют. Вторая причина – «структурно-институциональная» – объясняет, что внутриполитические институциональные ограничения, такие как разделение властей, система сдержек и противовесов (конституционная система), необходимость поддержки возможных решений населением, следовательно, их предварительного публичного обсуждения – всё это замедляет или ограничивает принятие радикальных решений, особенно решения о начале войны [4].

Европейский проект также непосредственно связан с демократизацией, однако имеет несколько другую цель. Сама европейская интеграция, которая сейчас является главным столпом европейского цивилизационного проекта, развивалась достаточно долго для того, чтобы достичь нынешнего качества. Пройдя через многие внутренние и внешние кризисы, Евро-союз смог не только приспособиться к условиям, но и создавать свои собственные. Этот процесс можно охарактеризовать как нормативизацию, т.е. процесс применения Европейским союзом своей нормативной силы. Нормативная сила выступает рычагом, благодаря которому другие страны подчиняются нормам и правилам ЕС (мир, демократия, устойчивый рост и хорошее управление). Хорошо это заметно в ОВПБ (Общая внешняя политика и политика безопасности), где в договорах с другими акторами всегда присутствуют т.н. принципы кондициональности, показывающие, на каком уровне находятся отношения Союза с данным субъектом. Присутствие этих принципов заметно по фразам о разделяемых ценностях либо в преамбуле, либо в одном из пунктов соглашения. Если эти пункты имеют место быть, то значит, отношения ЕС с таким актором находятся на своей высшей точке.

Таким образом, понятие «демократизация» пережило множество трансформаций. Как универсалистский и даже мессианский феномен распространение демократии можно увязать

с колониализмом и цивилизаторской миссией. При этом заметна тенденция, по которой со временем происходило постепенное снижение насилия, начиная с фактического истребления «других» при колониализме до «цивилизации». Современный этап демократизации скорее предполагает в большей степени обучение «других» нормам демократии, что также является формой подчинения, пусть более мягкой.

Демократизация и постколониальный феминизм (пример США и ЕС)

Рассмотрев эволюцию демократизации как формы подчинения, в контексте постколониального феминизма необходимо сосредоточиться на следующих моментах.

Во-первых, демократизация – это наследие маскулинных стратегий колониализма и, в то же время, фемининных стратегий цивилизаторской миссии. Поэтому для распространения демократии используется остаточный комплексный инструментарий подчинения.

Во-вторых, демократизация в определённой степени сохраняет «колониальную маргинализацию» [14] народов, на которые распространяется демократия, но и виктимизацию местных женщин, тем самым создавая эффект «двойной дискриминации» [17]. Более того, демократизация не приводит к эмансипации, поскольку вместо эмансипации в рамках своей культуры женщинам навязывают модель поведения «свободных и независимых западных женщин».

На примере политики США и ЕС по продвижению демократии проанализируем, насколько верны наши утверждения. Для этого рассмотрим эволюцию практик продвижения демократии в США при Билле Клинтоне, Джордже Буше-мл. и Бараке Обаме, а также в Европейском союзе на примере стран Центральной и Восточной Европы, а также государств Ближнего Востока и Северной Африки.

В первую очередь стоит отметить, что во внешнеполитическую стратегию США демократизация стала внедряться лишь под конец холодной войны, когда Михаил Горбачёв, по сути, дал добро на развал социалистического лагеря. Уже тогда была очень популярна вышеупомянутая теория демократического мира, тезисы которой часто звучали в речах Джорджа Буша-ст. Предложенная тогдашним президентом США идея «нового мирового порядка», который должен быть сформирован усилиями США по расширению «зоны демократического мира», создали предпосылки для появления полноценной американской стратегии по распространению демократии в мире. В администрации Клинтона данной проблемой на первых порах заведовал советник президента по вопросам национальной безопасности Энтони Лейк, который дал этой стратегии официальное название – стратегия «демократического расширения» (*democratic enlargement*) [20]. Лейк подвёл теоретическую базу под расширение вмешательства США в

мировые дела, сформулировав в рамках этой стратегии четыре тезиса.

Во-первых, одной из самых важнейших задач США было объявлено укрепление сообщества ведущих рыночных демократий, которые должны были стать своеобразным ядром дальнейшего распространения демократии по всему миру.

Во-вторых, Лейк говорил о необходимости помощи США в консолидации новых демократий и рыночных экономик там, где это возможно, особенно в тех странах, которые имели особое значение в американской внешнеполитической стратегии. Такими странами, к примеру, считались Россия и Китай, но если с российским руководством администрации Клинтона удалось наладить контакт, то вероятность демократического транзита в КНР сочли слишком низкой.

В-третьих, США должны были противостоять агрессии и поддерживать либерализацию в тех государствах, где враждебно относятся к демократии и рыночной экономике. Здесь американский истеблишмент демонстрировал в первую очередь маскулинный инструментарий распространения демократии.

В-четвёртых, администрация Клинтона предложила расширить повестку дня в гуманитарной сфере включением пункта о демократизации тех регионов, где гуманитарная ситуация оставляет желать лучшего.

Лейк не исключал, что в процессе демократизации может иметь место временный регресс, и предлагал широко смотреть на применение данных пунктов, учитывая местную специфику. Это значит, что США подразумевали возможность компромиссов, а, следовательно, и фемининных практик подчинения.

Проблема расширения демократии стала впоследствии повсеместно секьюритизироваться. Это стало особенно заметно под конец первого президентского срока Билла Клинтона, когда американское руководство напрямую вмешалось в ситуацию в Боснии и Герцеговине. Гуманитарные интервенции под руководством США стали ассоциироваться с процессом демократизации. Вмешательство Соединённых Штатов в Косовский конфликт, расширение НАТО на Восток – всё это было частью внешнеполитической стратегии по продвижению демократии. Вкупе с многочисленными программами, направленными на демократический транзит в странах Центральной и Восточной Европы, это составляло маскулинность (силовые методы) и фемининность (обучение, социализация, распространение норм) американских практик демократизации.

Тренд на распространение демократии по всему миру поддержала в дальнейшем администрация Джорджа Буша-мл., при которой неолиберальный интервенционизм сменился неоконсерватизмом. Если при Клинтоне Соединённые Штаты оставляли некий простор для манёвра в странах, где они распространяли демократию, то

■ Критические исследования

Джордж Буш-мл. исповедовал откровенно односторонний подход в данной сфере. Во многом по этой причине его администрация серьёзно дискредитировала само понятие демократизации. Тем не менее, стоит отметить, что именно в тот период американским истеблишментом были разработаны несколько важных и весьма амбициозных проектов по продвижению демократии в мире. Наиболее яркими из них можно назвать концепцию Большого Ближнего Востока и технологию «цветных революций», которую в середине 2000-х гг. стали апробировать на постсоветском пространстве.

Проект Большого Ближнего Востока (*Greater East*) возник во многом в связи с событиями 11 сентября 2001 года. Это в Нью-Йорке заставило американское руководство задуматься о новых мерах обеспечения своей национальной безопасности. В администрации Буша-мл. считали, что радикализация населения стран Ближнего Востока и Северной Африки представляет следствие нехватки политических и экономических свобод [7]. Тем самым, американский истеблишмент закрывал глаза на культурные причины радикализации, сосредотачиваясь исключительно на институциональных вопросах и закрывая дверь перед фемининными практиками демократизации, по сути навязывая демократизацию. При этом предполагалось, что благодаря демократизации население получит и другие права и свободы, к примеру, гендерное равенство. Однако процесс постконфликтного урегулирования в Ираке и Афганистане, сопровождавший реализацию проекта Большого Ближнего Востока, показал, что его успешная имплементация невозможна. Дипломатия Соединённых Штатов, несмотря на отдельные успехи (принятие Конституций Афганистана 2004 г. и Ирака 2005 г.), погрязла в необходимости разрешать межконфессиональные, межклановые и другие межгрупповые противоречия вместо того, чтобы по-настоящему способствовать становлению демократии в данных странах. По сути, изначально достаточно дискриминационная и навязчивая политика США по демократизации Ближнего Востока привела лишь к усилению этих противоречий и к отсутствию стабильности, как на государственном уровне, так и на уровне гражданского общества (межгендерные отношения в большинстве своём сохранили прежнюю форму и содержание). Маскулинные стратегии демократизации по Бушу-мл. привели американское руководство в «ловушку ориентализма» (провал стратегий дискурсивной власти в регионе), поскольку попытки подчинения стран Ближнего Востока новым нормам и самоидентификации США за счёт их демократизации закончились неудачей. Это заставило администрацию Барака Обамы разработать впоследствии концепцию «стратегического терпения» по отношению к странам Ближнего Востока и Северной Африки, что, по сути, означало, что американский

истеблишмент полностью вверяет своим европейским союзникам право решать проблемы данного региона.

Не менее показателен пример «цветных революций» на постсоветском пространстве в середине 2000-х гг. Стратегия США по отношению к государствам этого региона имела комплексный характер и базировалась не только на желании подорвать лидерство России, но также на стремлении сменить авторитарные коррумпированные режимы в регионе как примеры применения маскулинных практик подчинения. Тем самым Соединённые Штаты собирались продемонстрировать другим странам региона все выгодные стороны демократического транзита, а также значительно снизить влияние России на мировые дела. Тем не менее, американское руководство использовало именно маскулинные стратегии подчинения для достижения поставленной задачи. Однако, несмотря на смену режимов на Украине, в Киргизии и Грузии, избавиться от авторитарных пережитков США не удалось. Вместо выстраивания образцовых постсоветских демократий, эти страны сохранили все типичные черты государств бывшего СССР – коррупцию и nepотизм.

По поводу Европейского союза следует отметить, что для ЕС никогда не было свойственно рассматривать распространение демократии в качестве отдельной идеи. Демократизация всегда шла в связке с верховенством права, защитой прав меньшинств и другими непосредственными компонентами нормативной и гражданской силы объединения. По сути, все эти требования являлись необходимым условием, чтобы ЕС начал считать того или иного актора «своим». Всё это можно назвать вышеупомянутым понятием нормативизация, которое связывается с необходимостью ЕС как некоего особого актора, распространяющего свои ценности, универсальные нормы, мир, демократию, устойчивый рост и хорошее управление как у себя по соседству, так и по всему миру в целом. Как неоимперия, обладающая соответствующими ресурсами, Евросоюз способен создавать универсальные нормы, а также использовать многочисленные формы неформального доминирования [21]. Ко всему прочему сам дискурс нормативизации должен был легитимизировать все имперские политики, которые Союз проводил как в прошлом, так и проводит в настоящем. Более того, европейские исследователи считают, что нормативизация как часть цивилизаторской миссии ЕС призвана убедить страны периферии Союза в том, что курс, проводимый им, полезен в первую очередь этим государствам, а не самому Евросоюзу. Также сам факт подобного взаимодействия способствует самоидентификации Европейского союза. Весьма показательны в этой связи два примера – постепенное присоединение восточноевропейских стран к ЕС и смещение авторитарных режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке во время «арабской весны».

Весьма показателен случай восточноевропейских стран. Ещё в 1992 г. в Европейской Комиссии заявляли, что «для новых демократий Европа остаётся мощной идеей» [21]. Уже на следующий год для определения степени готовности к вступлению в ЕС были опубликованы Копенгагенские критерии, ставшие первым воплощением политики кондициональности. Они включали в себя «стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, соблюдение прав человека, уважение и защиту прав меньшинств», а также «существование работающей рыночной экономики» [21]. Стоит отметить, что сами страны Восточной Европы легко восприняли эти критерии и приняли эти нормы во многом потому, что считали их отчасти своими, а также воспринимали их как пропуск в зону мира и процветания. В данной ситуации стоит признать саму практику нормативизации восточноевропейских стран абсолютно фемининной.

Совершенно иная конъюнктура сложилась на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Хотя Европейский союз старался проводить всеобъемлющую стратегию по отношению к региону с использованием многочисленных инструментов, начиная с Союза для Средиземноморья и заканчивая «политикой соседства», которая была также призвана к достижению в отношениях со странами общих ценностей. Начавшаяся же в 2011 г. «арабская весна» показала руководству ЕС прекрасной возможностью ценностного и политического переформатирования Ближнего Востока и Северной Африки на основе концепции «глубокой демократии». При этом повестка мало чем отличалась от той, что в своё время была предложена восточноевропейским странам. Однако в арабском мире главными проблемами были тогда не политические, а социально-экономические (бедность, безработица и т.д.). Это выдавало уже бюрократическую природу подобных «нормативистских» процессов. Другая проблема – мировоззренческая. Если восточный и западный европеец друг от друга мало чем отличаются, то араб и европеец мыслят уже совершенно по-разному [21]. Данный контекст делает нормативную конвергенцию практически недостижимой. При этом региональные государства не забыли колониальные годы, что также помешало европейской стратегии нормативизации. Во многом ЕС также угодил в «ориенталистскую ловушку», выбрав фемининную стратегию подчинения, при этом сделав главную ошибку, которую может сделать неоимперия для урегулирования межгендерных отношений (виктимизация женщин Ближнего Востока и Северной Африки противопоставлением их образа жизни образу жизни европейских женщин).

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что на данный момент демократизация и нормативизация в контексте постколониального феминизма являются комплексными стратегиями

подчинения. Более того, нельзя сказать, что они приносят искомый результат. Провал демократизации на Ближнем Востоке (за исключением Туниса), а также скромные успехи демократического транзита на постсоветском пространстве, показывают, что стратегии на макро- (межгосударственное взаимодействие) и на микроуровне (контакты по линии гражданских обществ, межгендерные отношения и т.д.) должны быть комплексными.

Современное состояние процесса демократизации и возможные сценарии развития ситуации в мире

Несмотря на многие взлёты и падения в процессе распространения демократии, всё ещё остаётся вопрос, во что сможет трансформироваться демократизация как стратегия подчинения. Отказ администрации Обамы от активного продвижения демократии и некоторое затишье в ЕС после провала нормативизации стран Ближнего Востока и Северной Африки демонстрирует лишь то, что демократизация находится в некоем промежуточном состоянии. Безусловно, Госдеп продолжает реализовывать конкретные локальные программы по продвижению демократии в странах третьего мира, так же как и Европейская служба внешнеполитической деятельности занимается повышением привлекательности европейского нормативистского проекта за рубежом и следит за успешностью политики соседства. Однако ни США, ни ЕС пока не выдвигают крупных инициатив, которые бы могли поменять мировой порядок в ту или иную сторону. Во многом это связано с сосредоточенностью обоих акторов на сирийском и украинском кейсах. Исходя из текущего состояния дел, можно вывести следующие сценарии развития ситуации вокруг демократизации в среднесрочной перспективе.

1) «Демократический рай». Этот сценарий возможен, если множество факторов сойдутся воедино. Во-первых, Хиллари Клинтон станет президентом США и в том качестве сможет укрепить существующие механизмы распространения демократии. Во-вторых, Европейскому союзу удастся справиться с кризисом беженцев. В-третьих, администрация Х.Клинтон и руководство ЕС должны действовать сообща, чтобы максимально эффективно использовать потенциал демократизации не только на Ближнем Востоке, но и на постсоветском пространстве. При подобном раскладе должны смениться режимы в Иране, Турции, Узбекистане, Казахстане, Белоруссии и в ряде других стран. Также необходимость демократического транзита может возникнуть у крупных игроков (Китай и Россия). При этом могут использоваться как фемининные (выборы), так и маскулинные («цветные революции») практики.

2) «Локальный куш». И США, и ЕС продолжают использовать и маскулинные, и фемининные стратегии демократизации. Это не даст нужного эффекта в проблемных регионах, но и

■ Критические исследования

Европейский союз, и Соединённые Штаты смогут значительно выиграть в распространении демократии в тех регионах мира, где подобные стратегии носили точечный характер и всё же имели определённый успех. Такими регионами можно назвать, например, Африку южнее Сахары и Южную Азию (в первую очередь Пакистан).

3) «Битва титанов». В этом сценарии также нет чётких зависимых переменных. Однако здесь большее внимание уделяется именно фактору противодействия демократизации. Даже если и ЕС, и США смогут интенсифицировать процесс продвижения демократии по всему миру, имея тот же набор маскулинных и фемининных практик, скорее всего, они столкнутся с серьёзным сопротивлением. Причём это сопротивление будет идти со стороны крупных мировых игроков (Китай и Россия). Если последним удастся доказать, что прагматизм лучше идеализма демократизации, то в таких регионах, как Африка южнее Сахары усиление нестабильности может произойти уже не столько из-за бесконечного межкланового противостояния, сколько из-за противостояния двух стратегий подчинения. Такой сценарий видится наиболее вероятным, учитывая не только конфликтную среду современной мировой политики, но и используемые ведущими акторами практики.

4) «Мнимое уважение». Данный сценарий построен насылке, что ЕС и США, продолжая продвигать демократию в мире, смогут выстроить единую фемининную стратегию демократизации, основанную на «уважении локальных культур». В этом случае «коллективный Запад»

сможет «демаргинализировать» местные народы и при этом избавиться от эффекта «двойной дискриминации». Однако такая стратегия предполагает лишь мнимое уважение со стороны и Европейского союза, и Соединённых Штатов. Скорее всего, озвученные выше практики лишь заставят другие народы поверить, что Запад действительно уважает их культуру, создав тем самым среду для их дальнейшего подчинения.

5) «Новый откат». Стратегии США и ЕС по демократизации провалятся. Это произойдет благодаря энергичным усилиям Китая и других крупных акторов и их прагматичной политике по отношению к странам третьего мира. Однако такой сценарий возможен, только если под прагматизмом будет не только экономическая, но и идейная основа.

Таким образом, следует отметить, что ЕС и США, возможно, ждёт успех в их стратегиях демократизации пространства вокруг себя. Они могут преуспеть как на локальном («локальный куш»), так и на глобальном («демократический рай») уровне. Однако нельзя исключать фактор вмешательства крупных акторов («битва титанов»), которые захотят свести на нет любые попытки демократизации тех или иных регионов и могут в этом преуспеть («новый откат»). Поэтому и для Европейского союза, и для США становится актуальным переход к единой фемининной стратегии распространения демократии («мнимое уважение»), которая способна снять существующую напряжённость в проблемных областях мира и закрепить доминирование «коллективного Запада».

Список литературы

1. Кант И. К вечному миру // Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 5–56.
2. Кант И. Предполагаемое начало истории человечества /Пер. И.А.Шапиро // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. I. С. 15-28.
3. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума = *Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain*. М., Либроком, 2011. 280 с.
4. Кулагин В. М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития). // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 23-39.
5. Сидоренко Л.В. Цивилизаторская миссия / Кафедра истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. URL: novist.history.spbu.ru/docs/NIR_Civilizatorskaya_Missiya.doc. (Проверенно 18.08.2016 г.).
6. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 560 с.
7. Alessandri E. Democracy Promotion from Bush to Obama // EUSPRING – Working Paper No.1. April 2015. URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/irs/euspring/publications/us_dem_promotion_april15.pdf (Проверенно 18.08.2016 г.).
8. Carothers T. U.S. Democracy Promotion During and After Bush. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, DC, 2007. URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_promotion_after_bush_final.pdf (Проверенно 18.08.2016 г.).
9. De Caritat M.J. Reflections on Negro Slavery // *The French Revolution and Human Rights: A Brief Documentary History*. ed. and trans. by Lynn Hunt. Boston: Bedford, 1996. Pp. 55-57.
10. Doyle M. Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part 1 // *Philosophy and Public Affairs*. Summer 1983. Vol.12, no. 3. Pp.205-235.
11. Grosfoguel R. The Epistemic Decolonial Turn // *Cultural Studies*. March – May 2007. Vol. 21, no. 2-3. Pp. 211-223.

12. Judis J. Trotskyism to Anachronism: The Neoconservative Revolution // Foreign Affairs. July-August 1995. Pp. 123-129.
13. Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York: Knopf, 2008. 116 p.
14. Katrak K.H. Decolonizing Culture: Toward a Theory for Postcolonial Women's Texts // Modern Fiction Studies. 1989. Vol. 35, no 1. Pp. 157-179.
15. Kristol W., Kagan R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. July-August 1996. Pp. 18-32.
16. Macleod C. Foucauldian Feminism: the Implications of Governmentality // Journal for the Theory of Social Behavior. March 2002. Vol. 32, no. 1. Pp. 41-60.
17. Mohanty C.T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses // Boundary. Spring-Fall 1984. Vol. 13, no. 1. Pp. 333-358.
18. Raley R. Macaulay's Minute on Indian Education // History of English Studies. URL: <http://oldsite.english.ucsb.edu/faculty/rraley/research/english/macaulay.htm> (Проверенно 18.08.2016 г.).
19. Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton, 1993. 192 p.
20. Søndergaard R. Bill Clinton's Democratic Enlargement and the Securitization of Democracy Promotion // Academia. URL: http://www.academia.edu/12517120/Bill_Clinton_s_Democratic_Enlargement_and_the_Securitization_of_Democracy_Promotion (Проверенно 18.08.2016 г.).
21. Zielonka J. Europe's new civilizing missions: the EU's normative power discourse // Journal of Political Ideologies. 2013. Vol. 18, no. 1. Pp.35-55.

Об авторе

Владислав Алексеевич Музалевский – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: muzalevskij.v.a@my.mgimo.ru

PROBLEM OF DEMOCRACY PROMOTION IN CONTEXT OF POSTCOLONIAL FEMINISM

V.A. Muzalevskiy

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the problems of democratization as a neocolonial practice. The author argues that the spread of democracy is similar in many respects to colonialism and civilizing mission as universal and even messianic phenomena. He notes that both of these phenomena, despite the similarity of their origin, have different "gender basis" (colonialism has characteristics of masculinity and civilizing mission – of femininity). The author reviewed the history of transforming the concepts of "colonialism" and "civilizing mission". Results parallels between the two phenomena are analyzed as a specific intellectual and public discourse in a particular era influenced the formation of both phenomena. Examples of national civilizing projects, their intellectual potential and influence on contemporary world politics are also considered.*

The echoes of colonialism and civilizing mission are visible in US and the EU doctrines of democracy promotion. Examining the evolution of approaches to democratization, the author finds the differences in strategic culture of the United States and the European Union: if the American establishment have a propensity to masculine practice of democracy promotion ("democratic enlargement", the project "Greater Middle East", etc.), and European leadership prefers feminine practices. In terms of the post-colonial feminism, this approach does not give these actors any special benefits, as it offers the ineffective governing strategy of the local population, not taking into account, and often denying the specific cultural environment of democracy promotion, paying more attention to institutional characteristics (lack of certain civil rights and freedoms, lack of transparency in the work of public authorities, etc.). The author notes that the current strategy of democracy promotion, though being more complex, creates the effect of "double discrimination", when both the local people and local women (imposing image of "a free and independent Western woman") feel that they are "colonized".

Based on an analysis of the current state of democratization, the author proposes four possible scenarios for promoting democracy in the world.

Key words: democratization, post-colonial feminism, United States, European Union, colonialism, civilizing mission.

References

1. Kant I. *K vechnomu miru* [To perpetual peace]. Op. in 8 vol. Moscow, 1994. Vol. 7. Pp. 5-56 (In Russian).
2. Kant I. *Predpolagayemoe nachalo istorii chelovechestva* [Conjectural Beginning of Human History]. Transl. by I.A. Shapiro. *Fathers of positivism*. Saint-Petersburg, 1910. Vol. I. Pp.15-28 (In Russian).
3. Condorcet J. *Esquiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain]. Librocom, 2011. Pp. 280. (In Russian).
4. Kulagin V.M. *Mir v XXI veke: mnogopolyusniy balans sil I globalniy Pax democratic (Gipoteza "demokraticheskogo mira" v kontekste alternativ mirovogo razvitiya* [The World in 21st century: multipolar balance of power and global Pax democratica (Hypothesis of "democratic peace" in context world development alternatives)] Polis. *Political studies*. 2000. No 1. Pp. 23. (In Russian).
5. Sidorenko L.V. *Tsyvilizatorskaya missiya* [Civilizing mission]. Department of Modern and Contemporary History of History Institute of SPbSU. URL : novist.history.spbu.ru/docs/NIR_Civilizatorskaya_Missiya.doc (Accessed 18.08.2016). (In Russian).
6. Ferguson N. *Imperiya: chem sovremenniy mir obyazan Britanii* [Empire: How Britain Made the Modern World]. Moscow: CORPUS, 2014. 560 pp. (In Russian).
7. Alessandri E. Democracy Promotion from Bush to Obama. *EUSPRING – Working Paper N.1*. URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/irs/euspring/publications/us_dem_promotion_april15.pdf (Accessed 18.08.2016).
8. Carothers T. *U.S. Democracy Promotion During and After Bush*. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, DC, 2007. URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_promotion_after_bush_final.pdf (Accessed 18.08.2016).
9. De Caritat M.J. Reflections on Negro Slavery in *The French Revolution and Human Rights: A Brief Documentary History*. Ed. and trans. by Lynn Hunt. Boston: Bedford, 1996. 150 p.
10. Doyle M. Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part 1. *Philosophy and Public Affairs*. Summer 1983, vol. 1. No. 3. Pp.205-235.
11. Grosfoguel R. The Epistemic Decolonial Turn. *Cultural Studies*. March-May 2007. Vol. 21, no. 2-3. Pp. 211-223.
12. Judis J. Trotskyism to Anachronism: The Neoconservative Revolution. *Foreign Affairs*. July-August 1995. Pp. 123-129.
13. Kagan R. *The Return of History and the End of Dreams*. New York: Knopf, 2008. 116 p.
14. Katrak K.H. Decolonizing Culture: Toward a Theory for Postcolonial Women's Texts. *Modern Fiction Studies*. 1989. Vol. 35, no. 1. Pp. 157-179.
15. Kristol W., Kagan R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy. *Foreign Affairs*. July-August 1996. Pp. 18-32.
16. Macleod C. Foucauldian Feminism: the Implications of Governmentality. *Journal for the Theory of Social Behavior*. March 2002. Vol. 32, no. 1. Pp. 41-60.
17. Mohanty C.T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *Boundary*. Spring-Fall 1984. Vol. 12, no. 3. Pp. 333-358.
18. Raley R. Macaulay's Minute on Indian Education. *History of English Studies*. URL: <http://oldsite.english.ucsb.edu/faculty/rraley/research/english/macaulay.html> (Accessed 18.08.2016).
19. Russett B. *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*. Princeton, 1993.
20. Søndergaard R. Bill Clinton's Democratic Enlargement and the Securitization of Democracy Promotion. *Academia* : http://www.academia.edu/12517120/Bill_Clinton_s_Democratic_Enlargement_and_the_Securitization_of_Democracy_Promotion (Accessed 18.08.2016).
21. Zielonka J. Europe's new civilizing missions: the EU's normative power discourse. *Journal of Political Ideologies*. 2013. Vol. 18, no. 1. Pp.35–55.

About the author

Vladislav A. Muzalevskiy – PhD student, world politics department of MGIMO-University.
E-mail: muzalevskij.v.a@my.mgimo.ru